

А. В. Тоичкина¹

Санкт-Петербургский государственный университет

**ПЕРЕВОПЛОЩЕНИЯ СМЫСЛА В ТВОРЧЕСТВЕ
ДОСТОЕВСКОГО: СЕМИОТИЧЕСКИЕ
ЗАМЕТКИ. МОНОГРАФИЯ. ВОРОНЕЖ:
ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ ВГУ, 2022. – 395 с.**

Рецензия на коллективную монографию К.Кроо, А. А. Фаустов, С. В. Савинков.

В коллективной монографии К. Кроо, А. А. Фаустова, С. В. Савинкова «Перевоплощение смысла в творчестве Достоевского: семиотические заметки» с позиций семиотического подхода исследуется целый комплекс актуальных вопросов в сфере интерпретации смыслов произведений Ф. М. Достоевского.

¹ Александра Витальевна Тоичкина – кандидат филологических наук, доцент кафедры славянской филологии, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия).

Интерпретация произведений писателя – занятие небезопасное. Художественный мир Достоевского сложен и противоречив. История изучения его произведений удивляет полярными концепциями исследователей. Повесть «Двойник» (1846, 1866) интерпретируется в достоевковедении диаметрально противоположным образом (как сюжет произведения, так и образ героя). Так, одни исследователи высчитывают, на какой день Голядкин сошел с ума, другие отрицают сам факт схождения с ума героя. Само явление двойника тоже объясняется по-разному: одни утверждают, что двойник – это эманация героя, другие, что это самостоятельный персонаж². Что уж говорить про образы таких героев, как князь Мышкин, которого рассматривают и как образное воплощение Христа, и как «провал великой идеи», а то уж совсем как антихриста.

Конечно, такое разнообразие интерпретаций связано с целым комплексом проблем. Можно, правда, сказать, что в самой природе художественного образа и художественного стиля потенциально заложена многозначность и смысловой разнотой в интерпретациях свойственен не только достоевковедению. Тем не менее, проблемы все-таки есть. И связаны они, большей частью, со спецификой поэтики произведений Достоевского. Сложная поэтика требует от исследователей разработки соответствующих этой сложности подходов и методов, которые позволили бы описать парадигму смыслов в их взаимоотношениях в произведениях автора. Кроме того, серьезную проблему составляет герменевтическая составляющая, горизонт ожидания исследователя, которому в практике анализа зачастую подчиняются смыслы произведения в целом.

В рецензируемой монографии К. Кроо, А. А. Фаустова, С. В. Савинкова рассматриваются традиционные темы творчества Достоевского, имеющие длительную историю изучения. Книга состоит из трех глав, в которых материал распределен не столько по произведениям, сколько по анализируемым темам. Значительное место в монографии отводится проблеме двойничества и повести «Двойник». Так, в первой главе – «Вокруг идей неопределенности и двойничества» – этой теме посвящены разделы 1.2–1.3. (А. А. Фаустов). Во второй главе – «Вокруг идеи целого: часть – середина, единство – асимметрия» – «Двойнику» посвящены разделы 2.1 (А. А. Фаустов), 2.2. (К. Кроо), 2.3.1 (С. В. Савинков). В этой же главе исследуются интертекстуальные связи «Двойника», в частности, тоже традиционная тема влияния повестей Н. В. Гоголя (2.2.4. – К. Кроо). Кроме того, двойничество как феномен оказывается значим для исследователей в плане разработки методологии анализа смыслопорождающих механизмов, функционирующих в художественном мире Достоевского (что подчеркивает К. Кроо в «Заключении»).

Роману «Идиот» посвящены разделы 1.1, 2.1.2 (А. А. Фаустов), 2.3.4. (С. В. Савинков), 3.1.2. (А. А. Фаустов), 3.1.3. (А. А. Фаустов). «Запискам из подполья» – 2.4. (К. Кроо), «Братьям Карамазовым» – 2.5. (К. Кроо), 3.2 (К. Кроо). По ходу анализа исследователи обращаются к поэтике «Белых ночей», «Скверного

² В. Д. Рак когда-то в разговоре обозначил специфику поэтики повести вопросом: «А была ли Клара Олсуфьевна?».

анекдота», романов «Бесы» и «Подросток». Третья глава монографии – «Вокруг идеи времени» – посвящена рассмотрению проблемы времени в поэтике Достоевского (на материале «Дневника писателя», «Идиота», «Подростка», «Братьев Карамазовых»).

Семиотический подход позволяет авторам рассматривать художественные произведения вне каких-либо идеологических или религиозных концепций. История литературы тоже не является определяющей для данного рода исследований, тем не менее, авторы не позволяют себе игнорировать необходимые историко-литературные обстоятельства, как и биографического автора с его ценностной системой координат. Необходимо также отметить, что в монографии задействован значительный пласт отечественной и зарубежной исследовательской литературы. Зарубежные источники по количеству ссылок иногда даже превалируют над отечественными. В книге много интересных свежих наблюдений, текстовых открытий, неожиданных параллелей (историко-литературных и собственно теоретических). Так, хотелось бы упомянуть об анализе темы природы («игры природы») в «Двойнике» и «Идиоте», интерпретации «Таракана» Лебядкина («Бесы») в перспективе историософских взглядов Достоевского.

Вместе с тем, целью исследования в монографии, судя по всему, является описание принципа, лежащего в основе механизмов смыслопорождения текста художественного произведения. Речь идет о механизмах, которые и приводят читателей к тем или иным (зачастую противоположным) интерпретациям. Противоречия, заключенные в явлениях, которые изображает в своих произведениях Достоевский, рассматриваются в «Заметках» как феномен асимметрии (так мотив двойничества осмысливается в контексте понятия целостности). Авторы отказываются от таких инструментов, как «бинарные оппозиции» и «полярные мотивы». Они предлагают рассматривать «феномен семиотической асимметрии как главный смыслопорождающий фактор в художественном тексте» (с. 391). Асимметрия втягивает читателя в диалог. Диалог становится процессом порождения смысла и импульсом к пониманию, что служит устойчивым критерием «креативного механизма культуры» (с. 393). Авторов, судя по всему, больше всего увлекает само описание бесконечного процесса обновления смыслов в постоянно обогащающейся семиотической системе, материалом для которой выбрано творчество Достоевского.

Реализм Достоевского в монографии рассматривается как метонимический стиль³. Метонимия функционирует в поэтике произведения как принцип замещения, что анализируется на разных текстовых уровнях («метонимический тип литературной реальности» в «Идиоте», «метонимическая, синекдохическая модель» в поэтике образа у Достоевского, подразумевающая разделение

³ Когда-то еще Р. Якобсон указал на то, что главным тропом в реализме (в отличие от романтизма) является метонимия; на этой же идее строил свою концепцию реализма Д. Чижевский.

объекта на части и др.). Это один из внутренних механизмов текстовой динамики, который в семиотическом плане позволяет нам разгадывать и описывать смыслы произведений писателя. Другое дело, что при таком подходе к исследованию сами смыслы смещаются в сферу относительности и вариативности. И вопрос понимания смыслов произведений Достоевского остается опять открытым. Конечно, авторы монографии в процессе анализа текстовых стратегий и механизмов приходят к определенным выводам. Но они различны и не всегда бесспорны. К примеру, сюжет «Двойника» в монографии интерпретируется в гносеологическом аспекте, т.е. как сюжет самопознания героя. Встреча Голядкина со своим двойником (как бы с самим собой) приводит героя к определенному сдвигу в самосознании героя («сюжет прозрения», термин А. Ковача, – с. 139). Таким образом, авторы уходят от ответа на вопрос о сумасшествии Голядкина, переключая анализ в философскую плоскость.

Что касается «Идиота», то достаточно спорной представляется интерпретация финала романа как выбора Мышкиным независимости ценой отвержения мира и потери самого себя (с. 23). Трудно согласиться и с выводом о том, что Мышкин не может никого изменить в мире романа и сам остается неизменным (с. 258).

Отдельно хотелось бы остановиться на третьей главе монографии, в которой рассматривается семиотика поэтики времени у Достоевского («Вокруг идеи времени»). А. А. Фаустов описывает семиотику времени в авторском кругозоре Достоевского. Он анализирует проблему настоящего времени у писателя в его отношении к прошлому и будущему, делая акцент на мысли Достоевского о «комбинаторности настоящего» и его «уклоне в будущее». В этом контексте анализируется вопрос о пророчествах Достоевского. В разделе 3.1.3. А. А. Фаустов рассматривает феномен «отсроченного будущего» сквозь два известных экфразиса Достоевского – «Мертвый Христос в гробу» Ганса Гольбейна Младшего и «Пейзаж с Адисом и Галатеей» Клода Лоррена.

Об этих картинах существует большая литература, но в данном случае интересен, как представляется, выбранный исследователем ход, который позволил проанализировать логику изображения художественного времени в романах Достоевского через поэтику данных экфразисов. В разделе 3.2. этой же главы К. Кроо продолжила тему пророческого времени, обратившись к библейскому контексту эпиграфа из Евангелия от Иоанна к «Братьям Карамазовым». Пророчество о Христе у пророка Исаяи, образ пшеничного зерна как пророчество Господа о Себе рассматриваются средствами семиотического анализа как явления взаимосвязи настоящего и будущего. В центре этого раздела – понятие интегративности (в данном случае описывающее состояние бытия в Боге и с Богом в любви), которое и дает полноту славы, любви и радости в смысле свершения и исполнения пророчеств. Понятно, что этот анализ отсылает нас к художественному образу времени в «Братьях Карамазовых» и указывает на логику развития повествовательных стратегий романа в их устремленности в будущее.

Третья глава коллективной монографии К. Кроо, А. А. Фаустова, С. В. Савинкова «Перевоплощения смысла в творчестве Достоевского: семиотические заметки» обозначает не только вертикаль описываемой семиотической системы, но и определяет основной сюжет исследования: от двойственности и расколотости отделившегося от Бога героя «Двойника» к идеалу полноты и внутренней целостности во Христе, на который указывает автор в перспективе будущего в «Братьях Карамазовых». Надо сказать, что в целом этот сюжет соответствует модальности слова Достоевского, который ставил перед собой эстетическую задачу «восстановления павшего человека».

В завершение хочется отметить, что данная монография в плане методологии и анализа поэтики произведений писателя представляет собой ценное семиотическое исследование, которое, несомненно, будет востребовано в науке о Достоевском.